

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (6)

ВВЕДЕНИЕ (9)

Раздел I. Языкознание в Древнем мире (12). Языкознание в Древней Индии (12). Античное языкознание (19). Философия языка в Древней Греции (20). Александрийская школа грамматики (25). Языкознание в древнем Риме (30).

Раздел II. Языкознание в Средние века (36). Языкознание в средневековой Европе (37). Арабская лингвистическая традиция (45). Зарождение славянской и русской лингвистической традиции (51).

Раздел III. Языкознание эпохи Возрождения (58).

Раздел IV. Наука о языке в Новое время (XVII—XVIII века) (64). Естественные и искусственные языки в лингво-философских концепциях XVII—XVIII веков (69). Грамматика Пор-Рояля и ее продолжители (72). Сравнительные исследования (78). Русское языкознание XVIII в. (83).

Раздел V. Западноевропейское языкознание первой половины XIX века. Начало века (88). Рождение компаративистики (92). Сравнительно-историческое языкознание в середине XIX века (98). Общелингвистическая концепция В. фон Гумбольдта (101). Натуралистическое направление (концепция А. Шлейхера) (107).

Раздел VI. Психология языка в западноевропейской науке XIX века (114). Психология языка Х. Штейнтала (114). Концепция В. Вундта (119).

Раздел VII. Русское языкознание первой половины XIX в. (124). Деятельность А.Х. Востокова (128). Развитие славянского языкознания в трудах И.И. Срезневского и Ф.М. Буслаева (132).

Раздел VIII. Формирование и развитие младограмматического направления. Предпосылки появления младограмматизма (137). «Младограмматический манифест» (140). «Принципы языка» Г. Пауля и их значение (143). Историческая судьба младограмматизма (148).

Раздел IX. Лингвистическое диссидентство (152). Г. Шухардт и школа «слов и вещей» (152). Эстетический идеализм и концепции К. Фосслера (157). Лингвистическая география (162). Итальянская школа неолингвистики (166).

Раздел X. Социологическое направление. Предыстория появления (170). Французская социологическая школа и ее основные положения (174).

Раздел XI. Русское языкознание второй половины XIX — XX века (181). Лингвистическая концепция А.А. Потебни (182). Ф.Ф. Фортунатов и Московская лингвистическая школа (187). Лингвистическая концепция И.А. Бодуэна де Куртенэ (194). Казанская лингвистическая школа (203).

Раздел XII. «Курс общей лингвистики Ф. де Соссюра» (208). Дихотомия Соссюра и членение лингвистики (209). Языковой знак и его свойства (214). Системный характер языка в концепции Соссюра (217). Основные разделы языкознания (219).

Раздел XIII. Предпосылки появления структурализма и его основные особенности. Пражская лингвистическая школа (223). Возникновение и основные положения Пражской лингвистической школы (227). Фонологическая концепция Пражской школы (230). Грамматические идеи в трудах представителей Пражской школы (236). Проблемы типологической и ареальной лингвистики (238). Литературный и поэтический язык. Проблемы культуры языка (241).

Раздел XIV. Копенгагенский структурализм (244). Формирование глоссематической концепции (244). Основные идеи глоссематической теории (247). Язык и речь в интерпретации Л. Ельмслева (251).

Раздел XV. Другие концепции европейского языкознания XX века (256). Женевская лингвистическая школа (256). Лондонская лингвистическая школа (261). «Структуралисты вне школ» (266). «Около-структуралистические» концепции XX века (274).

Раздел XVI. Американская лингвистика. Становление (280). Леонард Блумфилд и его концепция (284). Основные принципы дескриптивной лингвистики (290). Эдуард Сепир и американская этнолингвистика (295). Кризис дескриптивизма и поиски альтернативы (299). Трансформационная грамматика и «хомскианская революция» (302).

Раздел XVII. Советское языкознание (310). «Новое учение о языке» и его падение (311). Другие общелингвистические концепции (318).

Формирование фонологических школ (331). Проблемы описательной грамматики (335). Проблемы истории языка (339). Языковое строительство и социолингвистическая проблема (347). Другие направления лингвистических исследований (351). Вторая половина XX века в истории отечественного языкознания (357).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ (362).

БИБЛИОГРАФИЯ. 1. Публикация первоисточников (371). 2. Труды по истории и современному состоянию языкознания (373).

Historia testis temporum,
lux veritatis, vita memoriae,
magistra vitae, nuntia vetustatis.

Marcus Tullius Cicero «De oratore»

История — свидетельница времен,
свет истины, жизнь памяти,
наставница старины.

Марк Туллий Цицерон «Об ораторе»

Предисловие

Общеизвестно, что для успешного развития любой науки необходимо глубокое знание того, что было создано за все предшествующие периоды ее существования. Указанной задаче и призван содействовать читаемый в высших учебных заведениях курс истории лингвистических учений (или истории языкознания), который знакомит студентов с основными этапами пути, пройденного наукой о языке, возникновением и развитием ведущих школ и направлений, а также важнейшими лингвистическими концепциями и деятельностью отдельных ученых, оставивших в ней свой след. В этом отношении история языкознания самым тесным образом связана с курсом теории языкознания: если теория языкознания дает общую, систематическую формулировку тех воззрений на объект и предмет лингвистики, сущность языка, его строение и функции, роль в жизни общества, методы и приемы изучения, отношение к другим наукам и т.д., которые сложились к настоящему времени, то история языкознания знакомит с тем, как протекал сам процесс познания. Поэтому обе указанные дисциплины (иногда объединяемые под именем общего языкознания) призваны завершить курс языковой подготовки студента и дать ему методологическую базу, позволяющую осмыслить язык как системно-структурное образование, представляющее собой целостный знаковый меха-

низм коммуникации. Именно опираясь на достижения общего языкознания, начинающий исследователь сможет осуществлять самостоятельную работу в конкретных областях нашей науки.

За последние десятилетия интерес к тому пути, который был пройден языкознанием за его многовековую историю, резко возрос, что привело к целому ряду работ и исследований, посвященных прошлому лингвистики в целом или отдельным его этапам. Среди них почетное место принадлежит и отечественной традиции (достаточно назвать работы Ф.М. Березина, В.А. Звегинцева, Я.В. Лои, монографию Т.А. Амировой, Б.А. Ольховикова, Ю.В. Рождественского, учебники В.И. Кодухова и Н.А. Кондрашова, коллективные исследования, в которых рассматриваются лингвистические концепции Древнего мира, Средневековья и т.д., книгу В.М. Алпатова и целый ряд других трудов). Тем не менее возрастающий спрос на учебные пособия по названной дисциплине, с одной стороны, и необходимость предоставить в распоряжение студентов книгу, в которой достаточно емко, доступно и сжато были бы освещены основные вехи истории лингвистики, с другой, а также необходимость пересматривать отдельные положения и выводы предшественников с позиций сегодняшнего дня, несомненно, будут стимулировать появление новых работ в этой области. Кроме того, в любом труде историко-научного характера (в том числе, разумеется, и в работах по истории языкознания) неизбежно отражаются научные интересы и субъективные пристрастия автора, сказывающиеся как на репрезентации фактического материала, так и на интерпретации его под тем или иным углом зрения. Поэтому наличие работ, написанных исследователями, стоящими на разных позициях, позволяет ярче осветить пройденный лингвистикой путь и представить его с должной степенью полноты и научной объективности.

Предлагаемая книга основана на курсе лекций по истории лингвистических учений, читаемых на переводческом факультете Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета заслуженным деятелем науки РФ, академиком РАЕН, доктором фи-

лологических наук, профессором Л.Л. Нелюбиным, дополненных материалами доктора филологических наук, профессора Г.Т. Хухуни, ведущего на указанном отделении курс теории языкознания. Ввиду ограниченного количества часов, отводимых учебным планом на изучение названной дисциплины, авторы столкнулись с необходимостью отбора того материала, который предполагалось включить в настоящую работу. Естественно поэтому, что она не может претендовать на исчерпывающую полноту и завершенность, хотя авторы постарались уделить должное внимание тем лингвистическим концепциям, с которыми связаны основные вехи развития нашей науки.

Поскольку данная книга в основном рассчитана на студенческую аудиторию и имеет отчетливо выраженную педагогическую направленность, авторы сочли возможным не перегружать ее ссылками на источники, цитатами и другими материалами справочно-библиографического характера, хотя они старались учесть труды своих предшественников. В список литературы вошли в основном изданные на русском языке общие работы последних десятилетий, что, конечно, отнюдь не означает пренебрежения тем наследием, которое было накоплено лингвистической историографией в более ранние периоды.

Все замечания и пожелания, способствующие улучшению предлагаемой книги, будут с благодарностью приняты.

Авторы выражают свою признательность доктору филологических наук, академику Российской академии естественных наук (РАЕН) профессору Е.Г. Князевой и доктору филологических наук, академику Российской академии социальных наук (РАСН), профессору Е.В. Сидорову за ряд ценных замечаний и пожеланий, улучшивших архитектуру и содержание книги.

Введение

Если взять практически любую работу, созданную до второй трети XX в. (да и очень многие труды, появившиеся гораздо позже), где затрагивается историко-лингвистическая проблематика, то скорее всего там можно будет прочесть, что наука о языке возникла в первой трети XIX в., а точнее — в 1816 г., когда вышла в свет работа Ф. Боппа «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков», заложившая основы сравнительно-исторического языкознания. Весь же предшествующий период (охватывающий два с половиной тысячелетия!) разработки проблем, связанных с изучением языка, объединялся под общим названием «донаучного» (хотя отдельные эпизоды последнего — например, древнеиндийская традиция — оценивались достаточно высоко).

Основанием для подобного деления служили, как правило, следующие соображения:

1. До начала XIX в. языкознание было не самостоятельной научной дисциплиной, а развивалось в недрах других наук — прежде всего *филологии* (изучения письменных памятников для разных целей), *философии*, занимающейся наиболее общими законами функционирования и развития природы, общества и сознания, и *логики*, изучающей законы мышления и формы мысли. Появление же сравнительно-исторического языкознания знаменовало «самоопределение» нашей науки.
2. Именно с начала XIX в. в языкознании утверждается принцип *историзма* — рассмотрения отдельных явлений

в эволюционной перспективе, без чего, согласно традиционной точке зрения, не может быть подлинно научного изучения.

3. Благодаря работам Ф. Боппа и его коллег появился *особый метод*, без которого никакая самостоятельная научная дисциплина существовать не может.

Однако против этих, казалось бы, убедительных постулатов в XX в. были выдвинуты не менее серьезные возражения. Указывалось, в частности, что нельзя отождествлять науку в целом с каким-либо одним (пусть даже очень важным) ее направлением, тем более что ряд важнейших проблем нашей науки был поставлен задолго до Ф. Боппа. С другой стороны, подвергся сомнению и тезис о том, что исторический подход к языку является единственно возможным (и даже ведущим). Наконец, и многие классики сравнительно-исторического языкознания для обоснования своих общетеоретических воззрений стремились опереться на другие науки: биологию (А. Шлейхер), психологию (Г. Пауль), социологию (А. Мейе). В дальнейшем также предпринимались попытки (хотя и в меньших масштабах) увязать обретение языкознанием «научности» с той или иной конкретной лингвистической теорией или направлением (концепция Ф. де Соссюра, структурная лингвистика, порождающая грамматика...), однако особого успеха они не принесли, хотя бы потому, что выглядевшее в глазах одних подлинной «научностью», по мнению других, представляло собой явную ошибку. Поэтому целесообразнее представляется не противопоставить друг другу «научный» и «донаучный» периоды, а рассматривать развитие языкознания как единый, хотя и противоречивый процесс, выделяя в нем отдельные этапы развития, традиции, направления, школы и т.д. При этом авторы старались соблюдать принцип объективного изложения и по возможности избегать субъективных оценок, хотя, как уже отмечалось выше, полностью исключить указанный момент вряд ли возможно.

Что касается проблемы периодизации истории языкознания, то авторы в основном придерживались традиционной точ-

ки зрения, выделяя разделы о лингвистической мысли Древнего мира, Средневековья, Возрождения, Нового времени, XIX и XX вв., разумеется, обращая особое внимание на тот факт, что в каждую эпоху существуют, а часто и ведут острую полемику друг с другом различные концепции, воплощающие те или иные тенденции развития языковедческой мысли.

Поскольку предлагаемая работа предназначена в первую очередь для будущих специалистов в области западноевропейских языков, преимущественное внимание в ней уделяется тем лингвистическим традициям, которые связаны с европейским языкознанием (включая, естественно, славянские страны) или оказали на него определенное воздействие (например, древнеиндийская и средневековая арабская лингвистическая мысль). Этим же объясняется тот факт, что в книге почти не представлена такая оригинальная и своеобразная линия развития языковедческих штудий, как китайская и связанные с нею научные традиции.

РАЗДЕЛ I

Языкознание в Древнем мире

Говоря о тех предпосылках, которые способствовали возникновению науки о языке, можно — несколько упрощая ситуацию — выделить две основные причины. С одной стороны, с незапамятных времен люди, вероятно, задумывались о таких проблемах, как происхождение языка, причины многоязычия и т.д. Первоначально этот интерес отражался в мифах, легендах, религиозных представлениях (наиболее известный пример — содержащаяся в Библии история о Вавилонской башне). Впоследствии, с возникновением философии (родиной которой считается античная Греция), он привел к появлению **философских концепций** языка. С другой стороны, достаточно рано человечество столкнулось и с необходимостью решать чисто практические вопросы, связанные с языком: создание письменности, поддержание «правильных» (т.е. соответствующих установившейся традиции) норм чтения и произношения, установление и фиксация значений слов данного языка, описание его структуры, изучение иностранных языков и т.д. Указанные моменты способствовали возникновению того, что можно назвать **филологическим подходом** к языку.

В какой-то степени некоторые из названных проблем нашли отражение в древневосточных цивилизациях (египетской, ассирийско-вавилонской и др.) Однако зарождение языкознания в собственном смысле слова оказалось связанным прежде всего с древнеиндийской традицией.

Языкознание в Древней Индии

Принято считать, что древнеиндийская лингвистическая традиция насчитывает свыше двух с половиной тысяч лет, при-

чем отмечается, что ее появление было обусловлено причинами прежде всего практического характера. С течением времени язык древнеиндийских религиозных гимнов — Вед стал отличаться от разговорных языков — пракритов, что потребовало обеспечить точность произношения и понимания ведических текстов. С другой стороны, использовавшийся в качестве литературного языка санскрит (само название которого переводится как «совершенный»), формы которого отличались от ведического, приблизительно с V в. до н.э. перестал употребляться в качестве повседневного коммуникативного средства (ср. судьбу латыни в средневековой Европе), но оставался языком интеллектуальной и религиозной жизни и, следовательно, требовал специального изучения и нормализаторской работы.

Определить с точностью, когда именно начались в Древней Индии занятия языком, не представляется возможным. Однако известно, что уже в самих памятниках ведической литературы — ведангах — трактуются некоторые лингвистические проблемы. Так, в одной из веданг рассматривались вопросы фонетики и орфоэпии (правильного произношения), в другой — метрики и стихосложения, в третьей — грамматики, в четвертой — этимологии (происхождения слов) и лексики. Именно по этим направлениям и развивалась в дальнейшем древнеиндийская лингвистическая мысль. Как отмечалось в специальной литературе, уже за тысячу лет до нашей эры создавались словари, содержавшие непонятные слова из Вед, а приблизительно в V в. до н.э. индийский автор **Яска** составил комментарий к ведическому языку. Однако формирование собственно грамматической традиции принято связывать с именем **Пáнини**. Традиционно его деятельность относится к IV в. до н.э.; однако, поскольку точные даты жизни этого выдающегося ученого неизвестны, назывались и другие хронологические отрезки — от VII до II в. до н.э.

Следует сказать, что по сведениям, содержащимся в различных исторических источниках, грамматические описания древнеиндийского литературного языка предпринимались и раньше, а восходят грамматические знания к самому богу Шиве. В труде Пáнини (носящем название «Восьмикнижие») также упомина-

ется о ряде его предшественников и даже утверждается, что он передает и систематизирует знания, которые накоплены до него и обладают священным смыслом, однако эти труды до нас не дошли.

Характерной чертой грамматики Пáнини принято считать ее в высшей степени формализованный характер. Она содержит 3996 правил (сутр), составленных в краткой и сжатой форме¹ по канонам индийской поэтической композиции и напоминающих алгебраические формулы (иногда даже говорят, что ее язык может служить образцом для возникшей уже во второй половине XX в. инженерной лингвистики). При этом, с одной стороны, поскольку текст должен был заучиваться наизусть, каждое правило дано в виде определенного мнемонического (облегчающего запоминание) приема и поэтому само по себе, без специального комментария, непонятно даже человеку, владеющему санскритом (например, сутра *aty heh* расшифровывается следующим образом: «Во множественном числе после “а” личное окончание второго лица единственного числа отпадает»). С другой стороны, хотя грамматика Пáнини структурирована в соответствии с нормами индийской поэтической композиции (она состоит, как показывает само название, из восьми глав («книг»), каждая из которых делится на разделы, а разделы — на сутры), однако как указывали исследователи, различные явления языка излагаются в них в том виде, в котором они выступают в речи, и поэтому не обладают той систематичностью, которая присуща трудам, созданным позднее в русле европейской грамматической традиции. Поэтому в тексте «Восьмикнижия» явления фонетики, морфологии и синтаксиса свободно чередуются друг с другом.

Трактуя вопросы фонетики, Пáнини подробно готовит о звуковом составе санскрита, описывает комбинаторные звуковые изменения, касается вопросов ударения. Детально анализируются морфологические явления, выделяются классы глаголь-

¹ Стремление к максимальной краткости изложения, представляющее одну из наиболее характерных черт индийской грамматической традиции, побудило одного из ее представителей заметить: «Грамматист рад сокращению, как рождению сына».

ных корней, типы окончаний в именном склонении и т.д. Особо упоминания заслуживает тот факт, что Пáнини фиксирует диалектные особенности древнеиндийского языка на Востоке, отмечает своеобразие разговорных форм и — хотя основным объектом его исследования является собственно санскрит — говорит и об особенностях ведического языка, сравнивая его с последним. Однако, констатируя сами факты различия между ними в области фонетики, морфологии, словообразования и отчасти синтаксиса, Пáнини не делает отсюда теоретических выводов, связанных с понятием языковой эволюции.

Работу Пáнини продолжали его комментаторы и последователи. Среди них в первую очередь называют имя **Вараручи Катьяяна** (III в. до н.э.). В его деятельности особо отмечают занятия пракритами (в частности, именно он создал, применяя понятия и термины санскритской грамматики, первое описание языка пали, ставшего основным языком буддийского канона). При этом отмечается, что Вараручи стремился возвести пракритские слова и формы к санскритским истокам. Как и Пáнини, Вараручи подробно рассматривает фонетику, анализирует звуковые изменения, увязывая их с морфологическими преобразованиями.

К I в. н.э. относится деятельность **Бхартхари**, рассматривавшего явления языка в философском аспекте, останавливаясь, в частности, на проблеме взаимоотношения предложения с логическим суждением. Именно ему принадлежит сделанное в поэтической форме высказывание, в котором подчеркивается важность знакомства с достижениями предшественников: богиня знания не дарит своей улыбки тем, кто пренебрегает прошлым.

В дальнейшем деятельность последователей и истолкователей Пáнини продолжалась. В V в. н.э. появились работы **Чандры**, в VII — **Джайнендры**. В XIII—XIV вв. ученый **Вопадава** составил новую санскритскую грамматику, построенную на гораздо более прочных основаниях, чем труд Пáнини; продолжали составляться и грамматики пракритов, которые рассматривались как отклонения от санскрита (известен относящийся к XII в. труд **Хемачандры**). Однако принципиально новых концепций в индийской лингвистической традиции уже не создавалось.

Суммируя основные положения древнеиндийских авторов (в первую очередь — труда Пáнини), выделяют обычно следующие моменты:

1. В области *фонетики*, опираясь на физиологический принцип, индийские авторы дают тонкое описание места и способа артикуляции отдельных звуков и их классификацию. Они различают (задолго до греков!), гласные и согласные звуки, смычные и проточные (щелевые, или фрикативные) согласные, полугласные звуки, долготу и краткость звуков, слоговую структуру (причем они подчеркивали, что основу слога составляют гласные, считавшиеся самостоятельными элементами, тогда как согласные рассматривались как подчиненные звуки, не способные выступать без гласных). Отличали древнеиндийские грамматисты и явление слияния звуков (*сандхи*). Особое внимание уделялось таким явлениям, как сочетание и взаимодействие звуков в потоке речи. Указанное обстоятельство было вызвано убеждением, что воспроизведение священных ведических гимнов может достичь цели только в том случае, если будет осуществляться в строгом соответствии с устной традицией чтения религиозных текстов. В определенной степени приблизились они к понятию фонемы, введя понятие «*спхота*», которое было противопоставлено звуку речи. Это различие четко осознал уже Панини; в дальнейшем индийские ученые выделили несколько разновидностей каждой спхота. Им принадлежит и разработка учения о трех ступенях чередования гласных (например, *vidma* «мы знаем» — *veda* «я знаю» — *vaidyas* «ученый»), в котором они различают низшую степень, первую степень подъема (*гуна*) и вторую степень подъема (*врдхи*).
2. В области *морфологии* индийские ученые обращали особое внимание на выявление сходств и различий в языковых явлениях. Основной единицей языка считалось предложение, поскольку только оно способно выражать мысль;

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru